

23 ДЕК 1983

Вечерний Свердловск
г. Свердловск

★ ПРИГЛАШЕНИЕ
К БЕСЕДЕ

НАЕДИНЕ С О В С Е М И

События всех трех последних премьер Свердловского академического театра драмы разворачиваются на семейном плацдарме — вспомним «Любовь и голуби», «Кикимору», «Пять романсов в старом доме»... Кажется, наметился репертуарный крен? Но вот авторитетный советский критик, теоретик театра А. Смелянский пишет о том, что семейная тема есть «основная линия отечественной драмы: состояние человека и состояние общества исследуются на уровне семьи, дома».

Это положение, убедительно развитое и аргументированное критиком и подержанное многими его коллегами, приводит к естественному логическому выводу: если такова основная линия сегодняшней драматургии, может ли она считаться креном в театральной практике? А вдруг как раз наоборот — это свидетельство чуткости театра к процессам, происходящим в искусстве, которое всегда есть отражение жизненных процессов?

Мы решили обсудить эти вопросы с режиссером, поставившим два из названных выше спектаклей — «Любовь и голуби» и «Кикимору», — В. АНИСИМОВЫМ.

— Для меня вообще нет такого жанра — семейно-бытовая пьеса, — начал разговор Вячеслав Иванович. — Существенно ведь не где происходит действие, а сам конфликт пьесы. Если в ней герой вступает в какую-то новую взаимосвязь с обществом, то такая пьеса отнюдь не может считаться семейно-бытовой. О чем наш театр поставил спектакль «Кикимора»? Неужели — в какой уж раз! — нас так заинтересовала тема любви двух немолодых людей?... Нет, конечно!.. На фоне этой темы нам хотелось показать конфликт возраста человека, так сказать, юридического — с собственным его мироощущением, показать отношение к этому человеку окружающих, которые не чувствуют его душевной молодости... Многим этот конфликт близок уже сейчас, многим он будет близок завтра. Оглянитесь — сколько вокруг людей, которые ощущают себя молодыми, а окружающие видят в них стариков! Разве это — не общественно важная проблема, если помнить к тому же о возрастной структуре общества с ее тенденциями?

— Но эти утверждения как бы на уровне констатации проблемы. А что за ней? Что должен извлечь зритель из судьбы героев спектакля? Ну, пожилой человек будет благодарен за проникновение в его внут-

ренний мир, за сочувствие, а молодой зритель?

— А молодому разве не важно, не интересно, как это люди могут пронести свою духовную юность через годы, не потратившись на пустяки?... И ведь встреча наших героев на склоне лет — это, если хотите, дар судьбы, награда.

Я уж не говорю о том, какое множество нитей тянется хотя бы от одной нашей героини прямо в сегодняшний день: она прямодушна, как ребенок, она добра, она поэтична и мужественна — да, мужественна в утверждении высших ценностей, какими только и достоин жить человек.

...Наша идея, обращенная к залу, — не растрачивайте себя по пустякам, берегите свой духовный мир и надейтесь на прекрасное завтра. Сколько бы вам ни было лет!

— Но это похоже на сказку, где в финале непременно торжествует добродетель!

— Однако без сказки жить нельзя... Вы задумывались, почему все мы так любим Новый год? Потому что этот праздник — всегда сказка. Даже самые серьезные люди под Новый год смотрят гороскопы, рассуждают, «чей» это будет год, в чем его встречать, а когда стрелки сходятся на двенадцати, загадывают желания. Это в нас живет сказка, детская вера в чудо, это живет в нас надежда...

— А вы знаете, теперь, после ваших слов, легче сформулировать то ощущение, которое оставляет в душе предыдущий ваш спектакль — «Любовь и голуби». В нем ведь тоже была сказка, была мечта... Это синее-синее небо, и вихрь белоснежных голубей, и кроны деревьев с необыкновенно крупными цветами...

— Но только сначала сказку, мечту, чудо — Любовь — долго-долго перетирала жернова быта... Перетерли — и превратили в бытовые семейные отношения... И понадобилось горе, понадобилась Разлучница, чтобы жизнь сдула «муку» и обнаружилась бы под ней частичка живого чувства. Помните, как говорит героиня:

«А и хорошо, что она была — Раиса-киса, разлучница наша... Жили — работали, работали — жили, а беда, как собака, по дому ходила и вот как теперь нам все показала!».

Я долго искал подход к этой пьесе. И, когда понял, что она — о возрождении любви, сразу стало ясно, как ее ставить. У нас был только в словах, а все тяготение — вверх, к небу. «Люди! — хотим мы сказать. — Ну, поднимите голову от повседневности, от разъеда-

ющих душу и ваши отношения мелочей, посмотрите, какое над вами синее небо!.. Люди, умеете видеть прекрасное вокруг себя — и в человеке, который рядом!.. Я хотел, чтобы на сцене было лирично, чтобы было поэтично, чтобы мужчины вели своих женщин из театра, бережно взяв под локоток...

— Однако и после «Служебного романа», и после «Старомодной комедии» такое желание было бы у постановщиков неудивительным...

— Ну и прекрасно. Пусть оно возникает после всех спектаклей. Нам вообще сегодня крайне не хватает подобного отношения к женщине... Но названные-то вами пьесы о другом! И, выводя свою спутницу под локоток, зрители думать будут о разном. Ибо природа конфликта всех этих пьес об «одиноких пожилых людях» совершенно разная: конфликт женщины с самой собой, ибо она добровольно превратила себя в «холодильник», — в «Служебном романе»; конфликт людей, боящихся поверить и довериться друг другу, — в «Старомодной комедии».

А в «Кикиморе» какая исходная ситуация? Героев ничто не разделяет, их конфликт — не друг с другом, он сродни разрыву со средой... Кстати говоря, пьеса с таким вот надличностным конфликтом вообще не может быть отнесена к разряду семейно-бытовых.

...Как-то на спектакле «Кикимора» ко мне подошла зрительница. Она сказала:

«После смерти мужа я осталась одна. Совсем одна. Продолжается это уже довольно долго, и было очень тяжело. И вот теперь я впервые поверила в свою судьбу»...

Мне очень дороги эти простые слова.

— Ваши спектакли чаще всего бывают романтически. Это приходит, как осознанное стилистическое решение, или...

— Да, я хочу быть лириком, хочу быть романтиком! Конечно, все мы понимаем, что вокруг еще много «всяческой дряни» и много грязи. Но я против такой позиции в искусстве, когда перст художника лишь указывает на негативные явления. Искусство должно говорить нам не только — «это плохо», но обязательно — «это преодолимо». Оно должно помогать человеку идти вперед, должно вливать в него веру и силы...

Вела беседу
Н. ЗЕНОВА.